

В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ

А. Ю. СЕРЕГИНА

ВИКОНТЫ МОНТЕГЮ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АРИСТОКРАТОВ-КАТОЛИКОВ В ПОЛЕМИЧЕСКОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVI – XVII вв.

В статье анализируются репрезентации английских аристократов-католиков XVI–XVII вв., виконтов Монтегю в полемической литературе и книжных посвящениях; рассматриваются их трансформации и способы манипуляции ими в различных политических контекстах.

Ключевые слова: Реформация, английские католики, Англия XVI–XVII вв., виконты Монтегю, религиозная полемика, книжные посвящения, парламентские речи, рукописные коллекции.

Образы государственных деятелей и лидеров конфессиональной общины, представлявшиеся виконтами Монтегю – аристократами-католиками XVI–XVII вв. – широкой аудитории, включавшей в себя как единоверцев Монтегю в Англии и за ее пределами, так и представителей английской политической элиты, воспринимались, вызывали отклик и трансформировались; ими манипулировали в собственных политических целях, т.е. они превратились в фактор политической и религиозной полемики. Чтобы проанализировать этот процесс, необходимо обратиться к литературным произведениям, в которых фигурировали Монтегю – как «герои» мелькавшие в эпизодах, упоминавшиеся или как адресаты посвящений. Тексты показывают, какие аспекты этих образов воспринимались их аудиторией и как именно они использовались.

Самым ранним произведением, обращенным к Монтегю, был опубликованный в 1557 г. в Лондоне сборник переводов с латыни. В него вошел созданный в предыдущее десятилетие перевод «Югуртинских войн» Саллюстия, автора которого – Александра Баркляя¹ – уже не было в живых, а также и история заговора Катилины, принадлежавшая перу Томаса Пейнелла (ум.1564). Именно Пейнелл был составителем этого издания. В молодости – каноник августинского монастыря в Мертоне (Сарри), он хотя и остался по духу католиком, признал разрыв с

¹ Александр Барклай (ок. 1476-1552) – монах бенедиктинского монастыря в Или, позднее приходский священник. Доктор богословия, переводчик с латыни и поэт.

Римом и позднее был настоятелем англиканского прихода и одним из капелланов Генриха VIII. В качестве последнего он познакомился со многими придворными, и явно был близок к ряду католиков в окружении короля, в том числе и к отцу виконта, сэру Энтони Брауну. Последний упоминался в адресованном виконту посвящении как «превосходный и благородный человек, ваш отец, верный своему сеньору и королю и вернейший по отношению к нашему Господу Богу»².

Обращение воспроизводит все звания Монтегю, упоминая его титул, и принадлежность к рыцарям ордена Подвязки и членам Тайного Совета. Сам виконт прославляется в посвящении как идеальный аристократ – военачальник, разбирающийся в политике и тонкостях военного дела, дворянин, обладающий знанием о «титулах, степенях знатности или других вещах, подобающих благородному человеку», придворный, отличающийся «тонким умом», большими познаниями, начитанностью, прекрасными манерами, и покровитель ученых³. Но еще более важной оказывается его верность католичеству – именно она определяет «славу» виконта: «Ваше сиятельство <...> во все времена и вопреки всему сброду еретиков сохранял и постоянно и благочестиво поддерживал католическую веру нашего Спасителя и искупителя Иисуса Христа»⁴. Таким образом, уже в середине XVI столетия виконт Монтегю воспринимался именно как аристократ-католик, конфессиональная составляющая образа которого была не менее – а для кого-то и более – важна, чем его имидж политика и придворного.

Подобным же образом он представлен и в посвящении к другому сочинению, созданном в конце 1560-х гг., хотя в нем конфессиональная составляющая образа по необходимости выглядит более размытой.

Речь идет о написанной на латыни поэме, посвященной преследованию первых христиан в рисские времена. Ее автор – Эдмунд Кэмптон (1540–1581), богослов и полемист-католик, один из первых английских иезуитов – и первый из них, казненный в Англии. Поэма, впрочем, была написана в тот период жизни, когда будущий мученик католической церкви – а тогда еще преподаватель Оксфордского университета – тщетно пытался примирить желание сделать карьеру в Англии (что бы-

² The Conspiracie of Catilline. 1557. The Epistle Dedicatorie (unpaginated): 'that excellent and noble man your father, faithfull I mean to his liege lord and Kyng, and to our Lorde his God, mose faithfull'.

³ Ibidem.

⁴ Ibidem: 'your lordship <...> hath at all tymes, and against all the rabblements of heretykes, sustained and mostee constantly and Christianly avauced the catholyke faith of our Saviour and redeemer Jesu Christ'.

ло возможно при покровительстве государственного секретаря Сесила, графа Лестера и самой королевы Елизаветы) с угрызениями совести, вызванными отказом от католической веры. В конце концов, в борьбе победила совесть: в 1569г. Кэмпиион покинул Оксфорд, уехав сначала в Ирландию, а в 1571г. – в Нидерланды, где публично объявил о своем возвращении к католичеству⁵.

Поэма внешне конфессионально нейтральна, но не стоит забывать о том, что католики – как и другие преследуемые христианские сообщества – любили уподоблять себя мученикам первых веков. Таким образом, в сочинении Кэмпииона, стилизованном под поэзию Вергилия, содержится очевидный намек на страдания католиков при протестантском режиме. Поэма не печаталась в XVI столетии, и известна в двух рукописных копиях – British Library Add. MS 36529, f.69-78 и Holkham MS 437, f.2-17, причем во второй рукописи посвящение и имя автора вымараны, и не читаются⁶. Только в рукописи из Британской библиотеки есть посвящение «Энтони Брауну, виконту Монтегю, одаренному героическими добродетелями: Эдмунд Кэмпиион из Оксфорда молится о его вечном и истинном счастье»⁷.

⁵ ODNB online <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>.

⁶ *Killroy*. 2005. P. 54-57, 149-153. Дж. Киллрой установил, что вторая рукопись – парадная копия первой или общего оригинала. Первая из них была изготовлена в 1567–1569 гг. и принадлежала сэру Джону Харингтону из Степни; ее вместе с коллекцией книг унаследовал его сын, сэр Джон Харингтон-младший, который позднее (в начале 1590-х гг.) заказал парадную копию поэмы, которая, вероятно, была подарена какому-то католику – причем новый владелец вымарал имя казненного иезуита и виконта Монтегю из соображений безопасности. Предположительно, эта рукопись была потом конфискована вместе с другими бумагами, как это часто случалось с архивами дворян-католиков, и оказалась в коллекции владельца Холкхэм-холла – главного солиситора (1592–1594) и атторнея (1594–1606) сэра Эдварда Кока, преследовавшего рекузантов. Не вполне ясно, каким образом оригинал поэмы оказался в руках Харингтона-старшего. Киллрой предполагает, что рукопись поэмы хранилась в Оксфорде, в колледже Св. Иоанна (Сент-Джонс), к которому принадлежал Кэмпиион, по крайней мере, до 1572 г. Затем в нем был проведен обыск с целью изъять и уничтожить католические сочинения, и некто, возможно, библиотекарь, стремясь спасти поэму, передал рукопись официальному проверяющему колледжа, католику сэру Уильяму Корделлу. Последний мог передать оригинал Харингтону, который его и скопировал для собственного пользования. Возможно и другое объяснение. Корделл был близким другом Уильяма Роупера, свекра сестры Монтегю Люси Браун. Поэтому он вполне мог получить рукопись от самого Монтегю – или от его родственников – и затем показать ее Харингтону.

⁷ BL, Add. MS 36529. F. 70. Текст поэмы издан Дж. Киллроем. См. *Killroy*. 2005. P. 155: ‘*Heroicis virtutibus ornatissimo viro D. Antonio Browneo Vicecomiti montis acuti Edmundus Campianus Oxoniensis aeternam et veram felicitatem praecatur*’.

В посвящении Кэмптон отдавал дань учености виконта, как то и подобает в обращении к патрону. Он также подчеркнул «придворные» добродетели – достоинство и при этом милость виконта к нижестоящим, а главное – его благочестие: «Среди наших соотечественников твое великое достоинство, исключительная ученость, испытанное благочестие и твоя милость вызывает восхищение и гордость⁸. Кэмптон не забыл упомянуть и о высоком звании виконта, пожелав в последней строке Монтегю сохранить его как можно дольше⁹. Таким образом, и здесь образ сновника соединяется с образом аристократического патрона-католика.

Однако если для единоверцев виконта служение монарху и католическое благочестие оказывались равновеликими слагаемыми его образа, то в образе, созданном полемистами-протестантами, верность монарху доминировала. В памфлете, посвященном разгрому Армады («Копия письма дону Бернардино Мендосе, испанскому послу во Франции, повествующего о положении в Англии и обнаруженного в покоях некоего Ричарда Ли», опубл. в 1588 г.)¹⁰, говорится следующее: «Первым привел отряды к королеве [на смотр в Тилбери – А.С.] знатный, добродетельный и благородный виконт Монтегю. Как бы люди не судили о нем из-за его религиозных взглядов, но, по правде, он, как сообщают, всегда заявлял, и в тот раз также торжественно провозгласил перед королевой и всем ее двором, принародно: он, будучи больным и старым, явился, полный решимости жить и умереть, защищая королеву и свою страну от всяких захватчиков, будь то папа, король или любой властитель. И за это он отдаст свою жизнь, детей, земли и имущество. Чтобы показать, что его ум в согласии со словами, он лично предстал перед королевой со своим отрядом, состоявшим из 200 всадников. Их вели его сыновья, а вместе с ними – ребенок, прекрасно державшийся в седле, а именно наследник его рода, то есть, старший сын его сына и наследника. Это обстоятельство отметили многие и, как я сам слышал, воздавали ему хвалы, видя деда, отца и сына, одновременно вскочивших в седло ради службы королеве»¹¹.

⁸ Ibid. P. 155: 'summa simpliciter in admiratione et gloria apud homines nostros fuerunt excellens dignitas, singularis erudition, spectata pietas, et mansuetudo tu'.

⁹ Ibid. P. 156: 'Tuam interea dignitatem (qua nihil habet haec aetas vel sanctius vel celebrius) clementissimus Deus incollumem ac illaesam diutissime teneri velit'.

¹⁰ The Copie of a Letter. 1588.

¹¹ Ibid. P. 24-25: 'The first that shewed his Bands to the Queene, was that noble, virtuous, honorable man, the Viscount Mountague, who howsoever men do iudge of him for opinion in Religion, yet to tell you the truth, he is reported alwayes to have professed, as now also at this time he did professe and protest solemnely, both to the Queene, and to all her Court, in open Assemblies, that he now came, though he was very sickly and in age, with a full resolu-

Благодаря этому рассказу виконт Монтегю и его семья превратились в образец лояльных католиков, ставивших свою страну и монарха выше конфессиональных пристрастий. Превращение виконта в «лоялиста без страха и упрека» было обусловлено политическими обстоятельствами лета-осени 1588 года¹².

Выбор языка памфлета ограничивал его потенциальную аудиторию англоязычными читателями. Прежде всего, конечно, речь шла о жителях Британских островов, подданных Ее Величества – англичанах и – отчасти – ирландцах. Как и все полемические тексты, «Копия письма» четко очерчивала границу между своими и чужими, врагами – в данном случае, испанцами. Им был противопоставлен образ победоносной английской нации, объединенной в любви к стране и королеве. Важной частью этого образа были католики, ставившие верность Елизавете и Англии превыше требований Рима¹³. Монтегю был отнюдь не единственным католиком, чье присутствие в Тилбери было отмечено в памфлете: там упомянуты также его двоюродный брат, граф Вустер, а также лорды Ламли, Стёртон, Дарси, Мордаунт, Скроуп и Юр¹⁴. Кроме того, в памфлете упоминались и

tion to live and die in defence of the Queene, and of his countrie, against all Invaders, whether it were Pope, King or Potentate whatsoever, and in that quarrel he would hazard his life, his children, his lands and goods. And to shew his mind agreeably thereto, he came personally himself before the Queene, with his Band of horsemen being almost two hundred: the same being led by his owne sonnes, and with them a yong child, very comely seated on horseback, being the heire of his house, that is, the eldest sonne to his son and heire: a matter much noted of many, whom I heard to commend the same: to see a grandfather, father, and sonne, at one time on horseback afore a Queene for her service’.

¹² *Pollen*. 1911. P. 300-304. См. также: *Read C.* 1961. P. 45-47. См. также *Cepelina*. 2011. С. 257-282. Бернардино де Мендоса был в 1578–1584 гг. испанским послом в Лондоне и создал обширную шпионскую сеть, которую продолжал контролировать и после того, как перебрался в Париж. Поэтому история об аресте католического священника – естественно, агента испанцев – и перехвате его письма, рассказывавшего о событиях, разворачивавшихся в Англии перед предполагаемым появлением Армады у ее берегов, выглядела вполне правдоподобно. На роль сочинителя письма был «избран» Ричард Ли – католический священник, арестованный и казненный летом 1588 года. Вплоть до начала XX века письмо Ли считалось подлинником. Но в 1911 г. Дж. Поллен обнаружил в архивах рукопись памфлета, написанную рукой одного из секретарей лорда-казначея, лорда Бёрли, с собственноручной правкой последнего. Таким образом, публикация представляет собой образец эффективной пропаганды английского правительства.

¹³ В 1570 г. папа Пий V отлучил Елизавету I от церкви и провозгласил долгом католиков свергнуть ее.

¹⁴ Генри Сомерсет, граф Вустер (1527–1589), был сыном Элизабет Браун, тетки виконта Монтегю; Джон, лорд Ламли (1534–1609); Джон, лорд Стёртон (1552–1588); Томас, лорд Дарси из Чича (1565–1639), впоследствии – граф Риверс; Льюис,

многочисленные лорды-протестанты. Однако только Монтегю удостоился не просто упоминания, а небольшого рассказа; более того, согласно тексту памфлета, именно он первым прибыл в Тилбери.

Представляется, что виконт Монтегю был избран в качестве «образца» католика по целому ряду причин. Во-первых, в отличие от многих единоверцев, он с самого начала царствования публично (в парламенте) заявлял о своих религиозных взглядах. Кроме того, он оказывал покровительство другим католикам. А узы родства связывали его с католическими семействами не только юга, но и севера Англии, а также и Ирландии. Но одним только влиянием среди католиков в Англии дело не ограничивалось. Хотя памфлет и написан по-английски, он предназначался не только для читателей в Англии, но и для католиков-эмигрантов, обитавших за пределами страны. Предполагаемым адресатом в данном случае были те католики, что жили в испанских владениях – в Нидерландах и в самой Испании. В таком случае выбор Монтегю в качестве «образцового католика», лояльного Елизавете, совершенно очевиден: Филипп II знал Монтегю еще с 1554 г., помнил его по посольству 1559 года. Кроме того, виконт был связан узами родства с покровителями английских католиков в Испании, стоявшими за подготовкой Армады (круг герцогини Ферия). Именно им – вполне способным читать по-английски – и предназначался памфлет Сесила. И именно для них в тексте появилась вставка о виконте Монтегю – их родственнике и убежденном католике. Если уж он верен английской королеве и готов сражаться за нее, испанцам не на что надеяться в Англии – таков был подтекст памфлета¹⁵.

Памфлет получил большую известность, а история о виконте Монтегю почти мгновенно была распознана как прекрасный инструмент, при помощи которого можно было добиться своих целей. Католики освоили его первыми. Уже в 1589 г. некий Рэнделл, арестованный католик из Оксфордшира, заявил на допросе, что хотя он и католик, но «так же

лорд Мордаунт из Тарви (1538–1601); Генри, лорд Скруп из Болтона (1534–1592); Уильям, лорд Юр из Уиттона (1530–1594).

¹⁵ Нацеленность на испанскую аудиторию косвенно подтверждается и тем фактом, что памфлет был издан лондонским печатником Ричардом Филдом (1561–1624). В 1588 г. Филд, только что закончивший свое ученичество, вступил в деловое партнерство с вдовой покойного мастера, гугенота Тома Вотрулье, Жаклин. «Копия письма» стала первым изданием, на котором значится имя Филда. От своего мастера Филд унаследовал не только типографию и жену (он женился на Жаклин в 1589 г., и впоследствии предприятие носило его имя), но и правительственные заказы. За «Копией письма» последовали другие тексты, причем специализацией Филда были полемические сочинения, адресованные испанцам (часть из них даже была написана по-испански). О Филде см. *Kirkwood*. 1931.

готов сражаться против испанцев, как милорд Монтегю»¹⁶. Более того, сам виконт при случае был готов воспользоваться сочиненной о нем историей. В своей речи 1592 года он произнес: «Я заявляю также, что если папа, или король Испании, или любой другой иностранный правитель решит вторгнуться в наше королевство, по любой причине, я одним из первых с оружием в руках встану на защиту моего государя и страны, насколько хватит сил»¹⁷. В данной фразе образ защитника отечества, одним из первых взявшегося за оружие – явно напоминающий о памфлете 1588 года – соединяется с намеком на циркулировавшие среди английских католиков рукописи, обосновывавшие правомочность сопротивления испанцам, хотя тех и послал в Англию папа¹⁸.

Речь виконта, в свою очередь, использовали другие католики. Священник Уильям Уотсон, полемизируя с английскими иезуитами, которых он обвинял в «подрывной деятельности», стремился противопоставить им лояльное большинство католиков во главе со знатными дворянами. В одном из своих памфлетов (1602 г.) Уотсон использовал речь виконта, о которой, скорее всего, узнал от друга, сассекского дворянина Энтони Коупли¹⁹, расширив цитирувавшийся выше пассаж и переиначив его: «Достопамятный старый лорд Монтегю... сказал следующее: если сам папа придет с крестом, ключами и Евангелием в руках, он в числе первых готов будет бежать к Его Святейшеству с тем, чтобы простершись у его ног, со всем сердечным смирением предложить ему свои услуги, чтобы выказать себя его послушным чадом. Но если же вместо того, чтобы прийти с торжественной процессией, с крестом, книгой, молитвами и проповедями, он появится под звуки королевского марша, с герольдами, с военны-

¹⁶ 'As redye [a] man to fyghte agaynste the Spanyards as my Lord Mowntague was'. Цит. по: *Questier*. 2006. P.125.

¹⁷ *Questier*. 2004. P.252: 'I protest that yf the Pope or the Kinge of Spayne or anye other forreyne Potentate shoulde offer to invade this realme, for any cawse whatsoever, I woulde be one of the fyrst that shoulde beare armes agenst him of them for my prynce & cowntreye, to the uttermost of my power'.

¹⁸ Речь идет о трактатах Томаса Райта и Джона Бишопа. Их аргументы сводились к следующему: объявляя Елизавету I смещенной в 1570г., папа Пий V руководствовался неверными или неполными сведениями, а поскольку в делах, касающихся политики, понтифик не является непогрешимым, папскую буллу исполнять необязательно. Испанцы же хоть и провозглашают себя защитниками веры, на самом деле руководствуются собственными интересами, и сопротивляться им можно и нужно. Более того, даже папе можно сопротивляться с оружием в руках, если он решит высадиться в Англии, так как он в данном случае поведет себя как светский правитель, с которым можно воевать. См.: *Серегина*. 2006. С.123-129.

¹⁹ См.: *Серегина*. 2008b. С.195-207, особ. 198-199.

ми знаменами напоказ, с трубами, барабанами, пиками, аркебузами и солдатами, выстроившимися в боевом порядке, тогда он первым выйдет сражаться против него, вооруженный до зубов²⁰.

Приведенная Уотсоном речь была полной фикцией, но она довела до совершенства образ Монтегю-лоялиста. Позднее он был заимствован многими полемистами в их собственных целях. Так, в 1621 г. протестант Томас Гейнсфорд использовал его в своем памфлете *'Vox spiritus'*, изданном в контексте полемики вокруг предполагавшегося брака принца Уэльского (будущего Карла I) и испанской инфанты. В памфлете испанскому послу Гондомару (одному из главных «авторов» идеи испанского брака) во сне является дух сэра Уолтера Рэли и убеждает его, что все англичане – даже католики – против этого союза. Одним из аргументов стало упоминание о речи виконта Монтегю (в версии Уотсона)²¹.

Второй виконт Монтегю (Энтони Мария Браун, 1574–1629) унаследовал от деда репутацию лояльного католика, однако он к середине 1590-х гг. имел все основания причислять себя к единоверцам, несправедливо обиженным режимом, несмотря на верность королеве. Многие из «обиженных» группировались вокруг графа Эссекса, представавшего в образе непримиримого врага испанцев и связанных с ними заговорщиков и одновременно – патрона всех лояльных католиков, к которому правительству следовало бы проявить терпимость.

Среди таких лоялистов было немало эмигрантов, разочарованных годами службы испанскому королю и стремившихся вернуться на родину и занять там подобающее, как они полагали, место. Одним из них был сэр Фрэнсис Дейкр, брат леди Магдален Монтегю, вдовы первого виконта. О нем и его бедствиях в Испании упомянул вернувшийся в начале 1590-х гг. в Англию Льюис Льюкнор в своем «Рассуждении о приеме, оказанном испанцем английским беглецом» (1595 г.)²². Представление родственников Монтегю как верных королеве – и за то претерпевавших от испанцев

²⁰ *Watson*. 1602. P.176-177: 'the old Lord Mountacute of worthie memorie ... saying to this effect: that is the pope himselfe should come in with crosse, key and gospell in his hand, he would be readie with the first to run unto his Holines to cast himself downe at his feete to offer his service unto him in all humbleness of hart, and what not to shew himselfe a dutifull childe. But if, in teede of comming in solemne procession with crosse, booke, praiers and preaching, he should come in a sounding royall march with heralds of armes, with banners of blood displaied, with trumpets, alarum, pikes, harquebuse and men of armes all amrshald in rankes set in battell array, then would he be the first men in the field armed at all points, to resist him...?'

²¹ *Gainsford*. 1983. P.25. О Гейнсфорде и его произведении подробнее см. *Adams*. 1976. P. 141-144.

²² *Lewkenor*. 1595.

– не прошло незамеченным: в 1597 г. Льюкнор был избран в палату общин от боро Мидхёрст, которым распоряжался виконт²³.

Но включение Льюкнора в состав правящей элиты отнюдь не было легким или безоблачным, и вскоре недовольный оказанным ему приемом – а он рассчитывал на придворную должность – сэр Льюис примкнул к кругу недовольных, формировавшемуся вокруг графа Эссекса. Показателем может служить изданный им в 1599 г. перевод с латыни трактата кардинала-венецианца Гаспаро Контарини «О республике и правительстве Венеции» (1543)²⁴. В политическом контексте того времени произведение, восхвалявшее республиканское устройство Венеции и правление там знати, прочитывалось как завуалированная критика коррумпированного правительства стареющей королевы Елизаветы²⁵. Перевод был посвящен родственнице Монтегю – вдовствующей графине Уорик (вдове Эмброза Дадли, кузена первого виконта), урожденной Энн Рассел. Она была дочерью графа Бедфорда – друга первого виконта и одной из влиятельных дам королевской опочивальни. Графиня, будучи бездетной вдовой, воспитывала Эдварда Рассела, молодого графа Бедфорда – сына своего племянника, принадлежавшего к числу друзей графа Эссекса.

Примерно в то же время и сам виконт Монтегю причисляется современниками к числу католических сторонников Эссекса. В изданной в 1596 г. политической сатире сэра Джона Харингтона (протестанта, принадлежавшего к кругу Эссекса) «Метаморфозы Аякса» упоминается виконт, следующий путями своего деда – то есть, лояльного католика, верно служившего своей правительнице²⁶. Более того, маргиналии автора, сохранившиеся в двух экземплярах сатиры, призывающей к очищению правительства и двора от пятнающей их грязи – в том числе и жестокости по отношению к лояльным католикам – указывают на то, что затронутые в сочинении вопросы обсуждались в замке Уардур, принадлежавшем католику – барону Эренделлу, а в числе присутствовавших были сам владелец замка, сэр Мэтью Эренделл, его старший сын Томас, носивший титул графа Священной Римской империи (дарованный ему императором Рудольфом II), супруга Томаса Мария (Ризли) и ее брат, граф Саутхэмптон – кузены Монтегю²⁷. Достоинства же предмета должны были обсуждать присяжные из числа титулованных дворян и джентри, большая часть ко-

²³ Hasler. 1982. Vol. II. P. 474-476.

²⁴ Lewkenor. 1599.

²⁵ Norbrook D. 2002. P. 87-88; Peltonen. 1995. P. 105-118.

²⁶ Harington. 1962. P. 224: 'the lord I heare does partisare, or rather I should say avisare'.

²⁷ Killroy. 2005. P. 90.

торых также являлась католиками. Упомянутые Харрингтоном аристократы – граф Нортумберленд, виконт Монтегю, граф Вустер и лорд Ламли, католики, а также друзья и/или родственники Эссекса²⁸.

Таким образом, в середине 1590-х гг. виконт Монтегю воспринимался, с одной стороны, как незаслуженно обиженный аристократ, верный монарху – образ, обязанный своим возникновением первому виконту и пере-интерпретации его имиджа политика в 1588 г. и позднее – а с другой, как член круга влиятельных придворных, способный в силу этого оказывать покровительство. Такая репрезентация виконта была важна для тех католиков рубежа XVI–XVII вв., которые в ходе конфликта внутри английского католического сообщества стремились представить себя в роли идеальных подданных (секуляриные священники), противостоящих нелояльным заговорщикам (иезуиты), пытаясь договориться с правительством о терпимости (к собственной фракции). Для священников-апеллянтов и связанных с ними мирян-католиков виконт Монтегю был идеальным патроном. Поэтому неудивительно, что именно ему в 1596 г. была посвящена поэма, написанная его дальним родственником, Энтони Коупли (*'Fig for Fortune'*)²⁹.

Поэма представляла собой католическую интерпретацию «Королевы Фей», в которой Коупли в аллегорической форме провозглашал верность католиков Елизавете. Историки английской литературы обычно интерпретируют ее как «мольбу о терпимости к лояльным католикам»³⁰. Вместе с тем в поэме присутствует и утверждение истинности католической веры, подкрепляемой благодатью, сообщенной католическими таинствами. Благодать дает католикам силы отказаться от мести, предпочтя ей мученичество³¹. Виконт Монтегю – влиятельный католик из семьи лоялистов, успевший как прославиться благочестием, так и пострадать за веру – прекрасно подходил к этой схеме. Поэтому в посвящении речь идет о добродетелях (подразумеваем: католических) виконта:

Великий Монтегю, трижды великий в сиянии добродетелей
И потому трижды великий в моей привязанности...³²

В тексте, впрочем, Коупли упоминает и о высоком положении молодого аристократа:

²⁸ Ibid. P. 91.

²⁹ Copley. 1883.

³⁰ Shell. 1999. P. 133-137, особ. 134; Voss. 2000. P. 1-26; Knapp. 1992. P. 85-86.

³¹ Briez Monta 2005. P. 100-111.

³² Copley. 1883. P. 3.

...Изобилие твоего высокого положения,
Почетное рождение, твой богатый доход,
Одобрение и уважение всей страны...³³

Однако именно католическая добродетель виконта оказывается причиной посвящения. Коупли не добивался покровительства виконта. Его целью было представить его как символ католического сообщества, верного как своей религии, так и монарху. Этот образ был частью полемического арсенала католического духовенства, применявшего его в ходе внутренних конфликтов. Именно католические клирики-апеллянты – и связанные с их кругом миряне (Э. Коупли) – впервые начали представлять виконта Монтегю в качестве лидера католического сообщества. И вероятно, именно они в первые годы XVII века побудили Монтегю отправить слугу (клирика) в Рим – предположительно, с посланием, касавшимся вопроса о наследовании престола Яковом Шотландским и терпимости к католикам. Посланный представил виконта понтифику в роли благочестивого католика, пострадавшего за веру. В ответ Климент VIII издал бреве (5 февраля 1603 г.), в котором восхвалялось религиозное рвение Монтегю; последнего призывали содействовать сохранению единства и мира среди английских католиков. Другое бреве (13 февраля 1603 г.) даровало общую индульгенцию любому католику, кто исповедавшись и причастившись, посетил бы капеллу в его доме и помолился бы там в праздник Тела Христова и все богородичные праздники и их октавы.³⁴ Виконт Монтегю и его поместье, таким образом, приобретало особый статус в рамках английского католического сообщества, превращаясь в его лидера и духовный центр соответственно.

Клирики-апеллянты, впрочем, отдавали себе отчет в том, что отнюдь не все миряне-католики воспримут молодого виконта в таком качестве. По сообщению правительственного агента, в апреле 1603 года в одной из лондонских тюрем, в помещении, отведенном арестованному священнику Томасу Блюету, состоялась беседа нескольких клириков с неназванным мирянином-католиком. Предметом обсуждения были способы оказать давление на нового монарха с тем, чтобы он даровал английским католикам свободу исповедать свою веру и политические права. Присутствовавшие сошлись на том, что таким средством стало бы объединение всех дворян-католиков под руководством одного лидера-аристократа. На роль последнего выдвигались графы Вустер или Нор-

³³ Ibid. P. 64.

³⁴ Цит. по. *Questie.r* 2006. P. 264-265. Октава - отдание праздника – особая литургия, посвященная празднику и служащая через неделю после него.

тумберленд. Кандидатура виконта Монтегю рассматривалась и была отклонена, несмотря на то, что участники беседы отметили его рвение в деле католичества, а также и известность в стране. Но молодой виконт «не был обучен военному делу, и славится лишь ученостью»³⁵, поэтому он вряд ли мог приемлемым лидером, в отличие от Нортгумберленда, воевавшего в Нидерландах в 1580-х годах, и Вустера – королевского конюшего и члена Тайного Совета.

Таким образом, образ лидера католического сообщества – знатного аристократа, стоически претерпевающего гонения за веру, имел существенный недостаток. В нем не хватало «политической компоненты» – служения стране и государю, военного и управленческого опыта, которые всегда подчеркивал дед виконта. Заявка на лидерство, окрашенная исключительно в тона благочестия и мученичества, вряд ли могла в самом деле сделать Монтегю неформальным главой английского католического дворянства, однако она была незаменимой для полемистов из числа духовенства. Образ виконта становился аргументом во фракционных спорах; представлявшие его клирики конструировали «идеального патрона», знатного, безусловно лояльного и столь же безусловно верного Риму, и при этом оказывавшего поддержку определенной группе внутри духовенства. Сам виконт, похоже, поддался этому внушению. Его парламентская речь 1604 г., в которой он практически присвоил себе право говорить от имени католического сообщества, свидетельствовала именно о таком лидерстве³⁶. Она была своего рода примеркой на себя той роли, которую группировавшиеся вокруг Монтегю клирики фактически навязывали ему; а молодой виконт явно поддавался внушению своих капелланов в куда большей степени, нежели его дед.

Отклик на речь виконта показывает, в каком качестве его воспринимали единоверцы. В письме сэру Томасу Чэлонеру (воспитателю принца Генри) сообщалось следующее: «Наши изменники-паписты немало сожалеют об аресте лорда Монтегю. Они утверждают: он достоин того, чтобы молиться за него конца мира, и его нужно внести в поминальный свиток, потому что он заявил – как они говорят: мои честь, земли и жизнь мне дороги, но моя душа – дороже, и я никогда не подчинюсь этому биллю (произнес он), подразумевающему, что за жен-паписток нужно будет платить штраф так же, как и за мужей»³⁷.

³⁵ National Archives, PRO, SP 14/1/7. F. 18-19.

³⁶ О речи второго виконта Монтегю см.: Серегина 2008а. С. 342-372. В статье приводится транскрипция и комментированный перевод этой речи.

³⁷ National Archives, PRO, SP 14/8/83. F. 167r: 'my Lord Montagues commytment yt is muche lamented amonge our trrayterous papists whoe affirme that he is worthye to be

Из приведенного письма явствует, во-первых, что недовольство дворян-католиков вызвало подтверждение Яковом I в 1604 г. предписания мужьям платить штрафы за жен-рекузантов (впервые введенное статутом 1593 г.). Во-вторых, виконт здесь воспринимается как образец благочестия и несгибаемой стойкости перед лицом преследований – то есть, на него проецируются желаемые, идеальные качества – но не как реальный политический лидер гонимой общины.

Можно предположить, что записи речи виконта циркулировали в католической среде. На данный момент известна лишь одна, включенная в подготовленный в первые годы XVII столетия рукописный сборник. Два тома *in folio* представляют собой своего рода «католическую энциклопедию», или пособие по полемическому богословию. Ее разделы, организованные в алфавитном порядке, посвящены богословским вопросам, вызывавшим ожесточенные споры католиков и протестантов (например, «месса», «святые» и т.п.). Материал каждого раздела выстроен по одной формуле: сначала следуют цитаты из Библии, затем – ссылки на постановления соборов, и в конце – цитаты из трудов св. Отцов и авторитетных богословов, в том числе и авторов XVI – начала XVII вв. Сборник был составлен в 1604–1609 гг. сэром Томасом Трешэмом и католическим священником Филиппом Вудвордом и предназначен для дочери сэра Томаса, Мэри Бранденелл³⁸.

Семья Монтегю упоминается в сборнике несколько раз (во 2-м томе). Во-первых, в разделе о преследованиях составитель проследил историю гонений на христиан, завершив ее преследованиями католиков при Елизавете и в начале царствования Якова I, тем самым уподобив последних первым³⁹. Список подвергшихся преследованиям католиков выстроен таким образом, чтобы охватить все католическое сообщество. Он выстроен по сословиям: в нем присутствуют епископы, священники⁴⁰, монарх (Мария Стюарт), титулованные аристократы, рыцари и

prayed fo to the worldes end and that he shalbe enrolled for yt; I meane the spec he used as they saym viz: my honor, landes and lyfe are deere but my sowle deerer and I will never yeldde to this bill (quothe he) meaning againstes papists to be payde for by a penal statute aswell as the husbände³⁸.

³⁸ Вплоть до 1968 г. рукопись принадлежала семейству Бранденелл из Норхемптоншира, потомкам известного католического рода, а потом была продана на аукционе Сотби и теперь хранится в Бодлеянской библиотеке Оксфорда (MS Engl. Th. B. 1–2). См. *O'Leary*. 1968. P. 79. О датировке и авторстве сборника: *Серегина*. 2012. С. 51–63.

³⁹ Bodleian Library, MS Engl.Th.b2. F.375-426.

⁴⁰ Ibid. F. 395-400; 401-402.

эсквайры⁴¹; последними идут женщины-дворянки⁴². В списке присутствуют почти все аристократы, пострадавшие за веру: умерший в Тауэре в 1595 г. граф Эрендел, изгнанник граф Уэстморленд, подвергавшиеся арестам граф Саутхэмптон и Десмонд, виконт Монтегю, лорд Вокс и др. За его пределами остался лишь казненный как изменник в 1572 г. граф Нортумберленд (лидер Северного восстания 1569 года). А в числе рыцарей и эсквайров немало общих родственников Монтегю, лорда Вокса и сэра Томаса Трешэма – лорд Эренделл, Уильям Кейтсби, Александр Калперер, Уильям Роупер, Фрэнсис, Джордж и Генри Брауны, Фрэнсис Инглфилд, Томас Фицгерберт, Роберт Тайритт и др.

Таким образом, мы видим, что составители сборника стремились прославить семью Трешэмов и их родственников в качестве «столпов», духовных лидеров английского католического сообщества – мучеников за веру и богословов. Именно в последнем качестве Монтегю – дед и внук – представлены в одном из заключительных разделов (of things contingent)⁴³. В нем сведены речи, проповеди и отрывки текстов, нацеленных против протестантов. В раздел включены речи сэра Томаса Трешэма и лорда Вокса, арестованных в 1580 г. по подозрению в укрывательстве иезуита Кэмпiona и принужденных защищать свою веру и практику *gesusansy* от протестантских проповедников⁴⁴, и другие сочинения Трешэма. За ними следуют речи обоих виконтов Монтегю⁴⁵, затем речь аббата Фекенхэма (произнесена в палате лордов в 1559 г.)⁴⁶, а за ними – подборка из полемических сочинений Стивена Гарднера, епископа Винчестерского и другие документы⁴⁷.

Из контекста, в который включены речи виконтов Монтегю, явствует, что оба они в данном случае воспринимались лишь в качестве символов, «идеальных образов» благочестивых католиков, стойчески встречавших несправедливые гонения, а отнюдь не в качестве государственных деятелей и/или политических лидеров английских католиков, причем имидж старшего виконта был здесь переосмыслен; он не соответствовал параметрам того образа, который пытался создать он сам, но отвечал потребностям полемистов.

⁴¹ Ibid. F.403-404; 404, 405-408.

⁴² Ibid. F. 413.

⁴³ Ibid. F.821-898.

⁴⁴ Ibid. F. 822-839.

⁴⁵ Ibid. F.840-843, 845-847.

⁴⁶ Ibid. F.851-853.

⁴⁷ Ibid. F. 860-878

Превращение образа второго виконта Монтегю в аргумент внутри-конфессиональной полемики обусловило частоту его появления на страницах полуофициальной корреспонденции английского католического духовенства. Оно постоянно присутствовало в переписке архипресвитеров – Джорджа Биркхеда и его преемников – с представителями английских секулярных священников в Риме, символизируя поддержку католического дворянства планам по воссозданию в Англии епископата, особенно в 1610–1611 гг. и в начале 1620-х гг.)⁴⁸. Примерно тогда же – в 1610 г. – Ричард Смит использовал имя Монтегю в своей кампании в Риме, издав латинскую биографию леди Монтегю⁴⁹. А участие самого виконта в кампании назначения епископа вкупе с его принципиальным отказом приносить присягу на верность королю (в редакции 1606г.) вновь привлекало к нему внимание единомышленников.

Католические авторы посвящали виконту и членам его семьи свои труды, причем из посвящений явствует, что они рассматривали его как «идеальный образ» католика-страдальца за веру. Соответственно, и посвящаемые им тексты носили, в основном, характер наставлений, а другие (наряду с Монтегю) адресаты посвящений указывали на то, что они предназначались «столпам благочестия» английского католического сообщества и покровителям единомышленников, способных защитить членов своей свиты и оказать финансовую помощь католическим общинам на континенте. Так, в 1604 г. эмигрировавший в Дуэ печатник и книготорговец Джон Хейэм (1568–1632)⁵⁰ составил сборник наставительных текстов (посвященных подготовке христианина к исповеди, мессе и принятию причастия, молитве, добродетельной жизни и духовному созерцанию), переведя с испанского и итальянского отрывки из сочинений богословов XVI столетия (в частности, Карло Борromeо)⁵¹. В 1610 г. Хейэм переиздал свой труд, расширив его – добавив к нему перевод трактата о христианской жизни Луиса де Гранады и переработку «Псалтири Иисуса» (наставительного труда монаха-картузианца из Сиона Ричарда Уитфорда, ум. 1542)⁵². Именно это издание и было посвящено

⁴⁸ The Newsletters. 1998. P. 41, 43, 59-61, 77, 88, 93, 109, 113, 131, 143, 144, 193, 282; Stuart Dynastic Policy. P. 143, 144, 191, 225, 303.

⁴⁹ Smith. 1609.

⁵⁰ О Хейэме см.: Allison. 1957-1958. P.226-242.

⁵¹ Six Spiritual books. 1604. Тимоти Мак Канн ошибочно полагал, что первое издание сборника было напечатано самим Хейэмом и посвящено Монтегю (McCann. 1989. P. 404). Первое издание было отпечатано в типографии Пьера Оруа. См.: Allison & Rogers. 1994. Vol. II. P. 84. No. 425.

⁵² Six Spiritual books. 1611. Allison & Rogers. 1994. Vol. II. P. 85. No. 426, 427, 428.

виконту Монтегю (тогда как первое было адресовано всем преследуемым католикам). Среди других адресатов были дамы – основательницы и аббатисы английских монастырей на континенте – Джоан Беркли (1555–1616) и (в переиздании 1618 года) Мэри Перси (1570–1642), первые настоятельницы бенедиктинской обители в Брюсселе, к которой присоединись родственницы виконта (Эренделлы из Уардура)⁵³, а также Мэри Гуч, аббатиса конвента клариссинок из Гравелина⁵⁴.

Сочинения сходных жанров посвящались и другим представителям семейства Монтегю и их родственникам⁵⁵. Третьему виконту, Фрэнсису Брауну, был посвящен изданный в 1635 г. перевод с итальянского парафраза семи покаянных псалмов (принадлежавшего перу Пьерто Аретино, 1534 г.⁵⁶) Генри Хокинса⁵⁷. Еще целый ряд текстов был посвящен родственницам Монтегю – сестре второго виконта Джейн, леди Инглфилд⁵⁸, его дочери Мэри, леди Питер⁵⁹ и леди Эренделл (урожденной Энн Филипсон)⁶⁰.

Такое количество посвящений указывало на восприятие Монтегю в качестве патронов католического духовенства. Порой посвящения отражали и благодарность за оказанные благодеяния. Так, изданный в 1616 г. «Толковый словарь» английского языка сассекского рекузанта Джона Буллакера⁶¹ был посвящен Джейн (Сэквил), виконтессе Монтегю в благодарность за прошлые благодеяния (предположительно, за защиту от преследований в Сассексе, а возможно, и за помощь в финансировании его занятий медициной в университете Кана)⁶².

Еще одно посвящение выпадает из общего ряда. Оно было обращено ко второму виконту не единоверцем, а сассекским священником-протестантом, богословом и автором популярного бестиария Эдвардом Топселлом⁶³. Его наставительное сочинение «Домовладелец, или совершенный человек» (1610) было адресовано сассекским дворянам – Ричар-

⁵³ *Neville*. 1909. P. 1-72.

⁵⁴ *Registers* 1914. 25-P. 173.

⁵⁵ О посвящениях см.: *Серегина*. 2010б. С. 22-44, особ. С. 38-41.

⁵⁶ См.: *Boillet*. 2007. P. 227-277.

⁵⁷ *Aretino*. 1635. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 79. No. 397.

⁵⁸ *Mathieu*. 1633. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 81. No. 405.

⁵⁹ *de Molina*. 1623. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 63. No. 307.

⁶⁰ *Drexelius*. 1630; *Binet*. 1632; *Canus*. 1632. *Allison & Rogers*. 1994. Vol. II. P. 81. No. 408.5; P. 77. No. 390; P. 127. No. 643.

⁶¹ *Bullaker*. 1616.

⁶² *McCann*. 1971. P.75-86.

⁶³ ODNB online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27557>

ду Сэквилу, графу Дорсету, виконту Монтегю, Сэпмсону Леннард и Ричарду Бланту. Трое из адресатов – Дорсет, Леннард и Блант – в разные моменты были патронами Топселла, предоставлявшими в его распоряжение принадлежавшие им приходы⁶⁴. Присутствие в списке виконта Монтегю объяснить труднее. Будучи влиятельным землевладельцем, виконт, конечно, имел право распоряжаться целой группой приходов. Но Топселл не имел никакого отношения ни к одному из них; таким образом, Монтегю не был его патроном в прямом смысле, хотя он мог искать потенциального покровителя, как считает исследовавший посвящение Тимоти МакКанн⁶⁵. Однако анализ текста посвящения позволяет усмотреть и другую возможную мотивацию автора, а именно, попытку Топселла если не обратить виконта – благочестивого, но заблуждающегося христианина – в истинную веру, то хотя бы вернуть его к практике «церковного папизма», которой придерживался его дед и, по всей видимости, и жена (особенно в периоды конфликта с правительством, какими и были для семьи Монтегю 1610–1611 гг.). Об этом, на мой взгляд, свидетельствуют и сожаления о том, что «христианский труд таких рук будет утерян и не получит вознаграждения из-за отсутствия истинной любви, или любви к истине»⁶⁶, и молитва Топселла о том, чтобы «эта благородная леди [жена виконта] не изменяла своей религии»⁶⁷. Виконтесса Монтегю была обращенной католичкой, однако она, по всей видимости, являлась «церковной паписткой», то есть, присутствовала на протестантских службах в приходской церкви, как предписывал закон страны; поэтому Топселл формально мог записать ее в свои единоверцы. И, наконец, в посвящении проводилась четкая параллель с первым виконтом: «Вы рождены в величии и благородстве и происходите от деда, во всем похожего на вас, справедливого, умеренного, мудрого, щедрого, доброжелательного и благоразумного, любившего свою страну, но не ее религию»⁶⁸.

В этом образе уподобление внука и деда перевернуто – по сравнению с католическими интерпретациями. В последних оба рассматриваются как идеальные, бескомпромиссные католики, тогда как у Топселла, как и в других протестантских текстах, внук сравнивается с дедом –

⁶⁴ *McCann* 1989. P.403-405.

⁶⁵ *Ibid.* P.405.

⁶⁶ *Topsell* 1610. Dedication (unpaginated): 'the Christian worke of such a hande, be lost and unrewarded, for the want of true love, or the love of truth'.

⁶⁷ *Ibid.*: 'nor that Noble Lady change her religion'.

⁶⁸ *Ibid.*: 'You are great and nobly born descended of a Grand-father, in all things like yourself, iust, temperat, wise, liberal, merciful and provident, a louer of his country, but not of his Countries religion'.

благородным аристократом, служившим своей стране, несмотря на конфессиональные противоречия. Эти два образа – католический герой и католик-лоялист – воспроизводились на протяжении столетий. Протестанты и католики, стремившиеся так или иначе наладить отношения с правительством, склонны были использовать второй из них. А первый переключался на страницы многочисленных исторических сочинений, посвященных католикам-рекузантам, и стал одной из составляющих мифа о героическом прошлом английского католицизма.

Монтегю – и дед, и внук, таким образом, включены в «канон» католических героев и мучеников, представляющих собой образец поведения для дворян-католиков, а их реальная политическая роль не представляла для потомков и родственников большого интереса. Впрочем, такое истолкование деятельности виконтов Монтегю было характерно для одной группы внутри католического сообщества – для бескомпромиссных католиков-рекузантов, отказывавшихся идти на компромисс с правительством и, соответственно, лишенных возможности участвовать в управлении страной. Именно к их числу относились Трэшемы, да и сами Монтегю в начале XVII века. Для них та роль, которую они «навязали» *post factum* Монтегю – стоически претерпевать гонения – оказывалась единственной доступной «мужской» ролью⁶⁹.

В свою очередь, складывание «канона» католических героев, которые пассивно претерпевали гонения, способствовало формированию исторической памяти английского католического сообщества, в которой доминировал именно такой идеальный образ – мученика, а не активного борца с режимом. Этот «канон» воспринимался последующими поколениями католиков, которые подчеркивали лояльность и пассивное мученичество своих предков из собственных соображений – например, чтобы противопоставить лояльность католиков мятежности протестантов в эпоху Реставрации, или чтобы добиться возвращения им политических прав в конце XVIII – начале XIX в. И именно этому канону историки, начиная от антикваров-католиков и заканчивая исследователями XX столетия, обязаны смещением своего исследовательского фокуса в сторону «героев» – рекузантов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Bodleian Library (Oxford), MS Engl.Th.b2. F.375-426.

British Library (London), Add. MS 36529. F.70.

National Archives (Richmond, London), PRO, SP 14/1/7. F.18-19.

⁶⁹ См. Серегина 2010а. С. 119-139.

- National Archives (Richmond, London), PRO, SP 14/8/83. F.167.
- Aretino P.* A Paraphrase upon the 7 Penitential Psalmes, transl. by H. Hawkins. Doway, 1635.
- Binet E.* The Admirable Life of S. Aldegond, transl. by H. Hawkins. S.Omer, 1632.
- Bullaker J.* The English Expositor. L., 1616.
- Camus J.P.* A Draught of Eternitie, transl. by M. Pinckney. Doway, 1632.
- The Conspiracie of Catilline ..., translated bi Thomas Paynell. L., 1557.
- The Copie of a Letter Sent out of England to Don Bernardin Mendoza, Ambassadour in France for the King of Spaine, declaring the state of England... Found in the chamber of one Richard Leigh. L., 1588.
- Copley A.* A Fig for Fortune [L., 1596] // Publications of the Spencer Society. Vol. 35. Manchester, 1883.
- Drexelius H.* The Angel-Guardian's Clock, transl. by Sir Thomas Hawkins. Rouen, 1630.
- Harington J.* A New Discourse of a Stale Subject, Called the Metamorphosis of Ajax / Ed. by E.S. Donno. L., 1962.
- Gainsford T.* Vox Spiritus, or Sir Walter Rawleighs Ghost [1620] Facsimile edition. Exeter, 1983. *Lewkenor L.* The Commonwealth and Government of Venice. L., 1599.
- Lewkenor L.* A Discours of the Usage of the English Fugitives by the Spaniard. L., 1595.
- Mathieu P.* The History of S. Elizabeth, transl. by Sir Thomas Hawkins. Bruxelles, 1633.
- de Molina A.* A Treatise of the Holy Sacrifice of the Masse, transl. by J. Floyd. S.Omer, 1623.
- Neville A.* English Benedictine nuns in Flanders, 1598-1687 // Catholic Record Society. Vol. 6. 1909. P. 1-72.
- The Newsletters from the Archpresbyterate of George Birkhead / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Vol.12. Cambridge, 1998.
- Registers of the English Poor Clare Nuns at Gravelines, 1608-1837 // Catholic Record Society. Vol. 14. 1914. P. 25-173.
- Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1604.
- Six Spiritual bookes Ful of Marvelous Pietie and Devotion. Doway, 1611.
- Smith R.* Vita... Dominae Magdalenaë Montis-Acuti in Anglia Vice-Comitissâ. Apud J. Mascardum. Romæ, 1609.
- Stuart Dynastic Policy and Religious Politics, 1621–1625 / Ed. by M.C. Questier // Camden Society Publications. 5th Series, Vol. 34. Cambridge, 2009.
- Topsell E.* The House-Holder: or, Perfect Man. Preached in three Sermons. L., 1610.
- Watson W.* A Decacordon of Ten Quodlibeticall Questions. L., 1602.

Литература

- Adams S.L.* Captain Thomas Gainsford, the 'vox spiritus' and the vox populi // Bulletin of the Institute of Historical Research. Vol.49. 1976. P. 141-144.
- Allison A.F., Rogers D.M.* The Contemporary Printed Literature of the English Counter-Reformation between 1558 and 1640. 2 Vols. Aldershot, 1994.
- Allison A.F.* John Heigham of S.Omer (c. 1568-c. 1632) // Recusant History. Vol. 4. 1957-1958. P. 226-242.
- Boillet E.* L'Arétin et la Bible. Genève, 2007.
- Briez Monta S.* Martyrdom and Literature in Early Modern England. Cambridge, 2005.
- The House of Commons, 1558–1603 / Ed. by P.W. Hasler. 3 Vols. L., 1982.
- Killroy G.* Edmund Campion: Memory and Transcription. Aldershot, 2005.
- Kirkwood A.E. M.* Richard Field, Printer, 1589–1624 // The Library. Vol. 12. 1931. P. 1-35.

- Knapp J.* An Empire Nowhere: England, America and Literature from 'Utopia' to 'The Tempest'. Berkeley, 1992.
- McCann T.J.* The Catholic Recusancy of Dr. John Bullaker of Chichester, 1574–1627 // *Recusant History*. Vol. 11. 1971. P. 75–86.
- McCann T.* "The Known Style of a Dedication Is Flattery": Anthony Browne, 2nd. Viscount Montagu of Cowdray and His Sussex Flatterers // *Recusant History*. Vol. 19. 1989. P.396–410.
- Norbrook D.* Poetry and Politics in the English Renaissance. 2nd edition. L., 2002.
- O'Leary J.G.* A Recusant Manuscript of Great Importance // *Essex Recusant*. Vol. 10. 1968. P. 79.
- Peltonen M.* Classical Humanism and Republicanism in English Political Thought, 1570–1640. Cambridge, 1995.
- Pollen J.* Who Wrote the 'Letter to Mendoza' of 1588? // *The Month*. Vol.117. 1911. P. 300–304.
- Questier M.C.* Loyal to a Fault: Loyal to a Fault: Viscount Montague Explains Himself // *Historical Research*. Vol. 77. 2004. P. 225–253.
- Questier M.C.* Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion, c. 1550–1640. Cambridge, 2006.
- Read C.* William Cecil and Elizabethan Politics // *Elizabethan Governments and Society* / Ed. by S.T. Bindoff, J. Hurstfield and C.H. Williams. L., 1961. P. 45–47.
- Shell A.* Catholicism, Controversy, and the English Literary Imagination, 1558–1660. Cambridge, 1999.
- Voss P.* The Catholic Presence in English Renaissance Literature // *The Ben Jonson Journal*. Vol. 7. 2000. P. 1–26.
- Серегина А.Ю.* [а] Аристократ в эпоху конфессионального конфликта: трансформация гендерных ролей // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории* Вып. 18. М., ИВИ РАН, 2010. С. 119–139.
- Серегина А.Ю.* [а] Католик или политик? Парламентская речь виконта Монтегю (1604 г.) // *Диалог со временем*. 2008. Вып. 25/2. С. 342–372.
- Серегина А.Ю.* «Католическая энциклопедия» начала XVIIв.: формирование исторической памяти английского католического сообщества // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 40. С. 51–63.
- Серегина А.Ю.* [b] Переводы католической литературы в Англии второй половины XVI – первой половины XVII в. // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 32. С. 22–44.
- Серегина А.Ю.* Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006.
- Серегина А.Ю.* «С оружием в руках»: английские католики и политическая пропаганда XVI–XVII вв. // *Человек читающий: между реальностью и текстом источника* / под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М., ИВИ РАН, 2011. С. 257–282.
- Серегина А.Ю.* [b] Фанатики или лоялисты? Английская католическая оппозиция XVI–XVII вв. // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 195–207.
- Oxford Dictionary of National Biography online <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/4539>.
- Oxford Dictionary of National Biography online: <http://dx.doi.org/10.1093/ref:odnb/27557>.

Серегина Анна Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; aseregina73@yandex.ru